

Саша Чёрный

Козья ферма

*Часть сборника
Избранная проза*

Саша Чёрный

Козья ферма

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4986859

Избранная проза: Эксмо; Москва; 2005

ISBN 5-699-14284-3

Аннотация

«Кривоногий и сморщенный, похожий на обрубок пробкового дуба, он ничего не знает о том, что делается на свете. Как телеграфные столбы вдоль высохшего русла ручья, давно уже одинаковы для него годы, – ливень сменяет жару, луна прибывает и убывает, – какая цифра прибита в каждом году, не все ли равно...»

Саша Чёрный

Козья ферма

Кривоногий и сморщенный, похожий на обрубок пробкового дуба, он ничего не знает о том, что делается на свете. Как телеграфные столбы вдоль высохшего русла ручья, давно уже одинаковы для него годы, – ливень сменяет жару, луна прибывает и убывает, – какая цифра прибита в каждом году, не все ли равно. Днем сидит он на камне, укрытый от ветра в ложбинке между лесными холмами, и даже не смотрит на хозяйских коз. Черный молчаливый пес, остроухий и крепкий, сам знает свое дело. Если какая-нибудь резвая дура отобьется в сторону, завернет к порослям мимозы, пес пойдет сбоку и отгонит ее на место, но работник не тронется со своего камня.

Вверху стрекочет, оставляя за собой дорожку тонкого дыма, гидроплан, далеко в море прополз черной гусеницей пароход, ветер шуршит брошенной проезжим купцом газетой. Что старику гидроплан, плавучий далекий дом, газета? Он даже не курит, – а это ли не старческая утеха, – и все думает... Пожалуй, и не думает, а просто шурит глаза, быстро, как ящерица, шевелит языком и греется. И если невзначай близко к нему подлетит пчела, примет его сизые парусиновые штаны за куст вереска, – сейчас же и улетит прочь, – так крепко пропах старик чесноком и козьим молоком.

Перед закатом, плетясь позади стада, словно скрюченный ревматизмом гном, он возвращается на ферму. Козы сами знают дорогу: внизу за тропинкой куб, слепленный из дикого камня и глины, и перед ним две темных метлы – кипарисы.

В загородке перед хлевом толпятся пестрые рогатые твари. Вымя расперто, стеклянные глаза изумленно повернуты к закату. Старик оживает: хватает цепкой рукой ближайшую поперек спины, коза гнется, шатается. Шлепок вбок, пинок под брюхо, и вот – тугое вымя над ведром. Тонкий звон струи зажурчал о дно... Боже мой, как старик ругается! «Стой, потаскушка!.. Паршивая жаба!.. Вонючий мешок!..» Не со зла, конечно, – брань просто аккомпанемент к работе. Покорная тварь, широко растопырив ноги, качается, старается устоять на месте... Уж он выдоит, капли не оставит, – не таковский.

Тихая и бескровная старушка-хозяйка в бессменном черном чехле только поглядывает искоса со своего табурета вылинявшими кроткими глазками: как бы сосков не оторвал, ведь вот характер какой у человека... Но молчит, с ним не поговоришь.

С соседней фермы приходит с бутылкой в сетке загостившаяся на юге русская художница, маленькая, худенькая – светлая душа с орловским платочком на голове. Всему удивляется, все ей ново и радостно: закат, козы, ленты перечного дерева, даже корявые пальцы старика и шершавый его голос. Сквозь жерди загородки к ней тянутся любопытные острые морды. Художница ласково здоровается с хозяйкой, с коза-

ми, со скрюченным работником. Но хозяйка и козы отвечают, а работник еще ожесточеннее пинает свежую, переполненную молоком рыжую козу: «Чума бы тебя взяла!» К козе ли это относится, к русской ли художнице – кто знает.

Но маленькая женщина с сеткой улыбается. Она все-таки победу над стариком одержала. И не малую. Он не дает пришлым людям молока... Если даже остается, – когда цинковые кадочки наполнены и готовы к отправке, – не дает, и конец. Не то что хозяйка, сам дьявол не заставит его, если он упрется... А вот художнице, с которой он даже и здороваться не хочет, оставляет каждый день литр.

Она покорно садится рядом с хозяйкой на эвкалиптовый пень и ждет. И вдруг видит, в первый раз видит: старик смачивает свои черные, ужасные пальцы в ведре с молоком, – чтобы легче доить было, – и принимается за рыжую козу. О господи! Только что он ожесточенно скреб этими пальцами за пазухой, правда, вытер их о штаны... спасибо. Должно быть, на остреньком милом лице так по-детски ясно было написано: «Да как же я теперь буду это молоко пить?» – что хозяйка положила свое красное вязанье на колени и добродушно успокоила:

– Ничего, сударыня, ничего. У нас все молоко пропускается через фильтр. Вон на заборе висит, видите...

Художница посмотрела, раскрыла было рот, закрыла и торопливо отвела глаза. На заборе вяло болтается на ветру грязный, выпачканный по краям навозом мешок... Года два

об него, должно быть, ноги вытирали, пока он не стал называться «фильтром».

И вдруг ей стало так неудержимо весело, что она уткнулась личико в сетку, чтобы, не дай бог, не фыркнуть хозяйке прямо в нос... И сквозь подавленную спазму смеха почувствовала, как у нее где-то под ложечкой повернулись утренние баклажаны в томатном соусе и медленно потянулись к горлу, как это бывает во время качки.

Уф... Прошло. Только этого недоставало... А минут через пять она сидела за сосновой рощицей, на краю рва, и поила из своей войлочной шляпы фильтрованным козьим молоком захлебывающегося от жадности бродягу-пса, на которого она наткнулась на перекрестке.

Должно быть, с той поры, как была создана первая коза, никто такой штуки не видал.